

Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян¹

Проблема власти, ее лица, а также ликов подвластных необычайно актуальна для российской ситуации в 2000 г. и в целом на рубеже веков. "Лицо власти и лики подвластных" — это и тема для политической публицистики, и продуктивный ориентир для эмпирических исследований, и фундаментальная проблема социокультурной эволюции. Все зависит от акцента: на "лица-лики" или на "власть-подвластные". Чем больше внимания второй паре, тем в более глубокие пласты реальности необходимо проникать.

Если соотнести эту проблему с исходным и сквозным вопросом "Куда идет Россия?", то получаем более конкретный вопрос: изменятся ли взаимоотношения власти и подвластных, а если да, то в каком направлении? Это вопрос обоюдоострый: он адресуется власти — каковы тенденции ее отношения к себе и подвластным. Но в равной мере он адресован и подвластным — каковы тенденции их отношения к себе и, как следствие, власти.

Выявление тенденций предполагает не только получение и анализ эмпирических данных за последние годы, но и разработку методологических критериев определения долгосрочных тенденций. Очень важный шаг в этом направлении сделала Т.И.Заславская. Анализируя сущность трансформации постсоциалистических обществ, она пришла к выводу: "Еще более глубинным и в то же время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов. Оно формируется под влиянием, с одной стороны, изменений институциональной и социально-групповой структур общества, а с другой — внешних факторов, и прежде всего проникновения современной культуры Запада. По мнению многих видных ученых, доминирующее направление социокультурных сдвигов характеризует наиболее глубинные и долгосрочные результаты социальной трансформации"².

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного гуманитарного фонда (проект № 99-03-00076).

² Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России // Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И.Заславская. Новосибирск. Наука, 1999 С 151.

От традиционного подданства к либеральному гражданству

Если направление социокультурных сдвигов рассматривать как глубинный и наиболее надежный критерий направленности трансформационного процесса, то учет соответствующих параметров приобретает статус теоретико-методологического подхода, а именно социокультурного подхода. Он предполагает и понимание общества как социокультурной системы: ее функций, структуры и динамики, включая процессы ее трансформации, которые предстают как социокультурная трансформация.

Социокультурный подход можно конкретизировать в виде нескольких принципов, помогающих четче осмыслить проблемы социокультурной трансформации. Это принцип человека активного (*homo activus*), осуществляющего социальные действия и взаимодействия; принцип взаимопроникновения культуры и социальности при фундаментальной их несводимости и невыводимости одного из другого; принцип антропосоциетального соответствия; принцип социокультурного баланса; принцип симметрии и взаимообратимости социетальных процессов.

Подробная характеристика этих принципов и общества как социокультурной системы дана автором в другой работе¹. Непосредственное отношение к теме данной статьи имеет *принцип антропосоциетального соответствия*: он означает совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социетальных характеристик этого общества. Известны два основных способа достижения такой совместимости и, соответственно, два типа общества: в "традиционном обществе" характеристики человека должны соответствовать сложившимся социетальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости); в "либеральном или современном обществе" приоритет отдается свободам и ответственности людей, которые стремятся так изменить сложившиеся структуры, чтобы они соответствовали возросшим потребностям и способностям индивидов и их коллективов, открывали пространство для целерациональных инноваций (принцип открытости).

Соответственно, двум способам антропосоциетального соответствия можно выделить два типа социокультурных трансформаций:

1) *традиционализация* — возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных их действий;

¹ См.: Латин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.

2) *либерализация (модернизация)* — расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов — в соответствии с усложнением личности, возвышением ее потребностей и способностей.

Понятие "либерализация" используется здесь по отношению к обществу в целом, а не только к его политической организации. Оно включает ценность свободы, сопряжено с веберовской рационализацией исторического процесса и близко понятию "модернизация" в широком историческом смысле, используемому Т.Парсонсом¹ и П.Штомпкой² (узкий смысл "модернизации" как реформ сверху, нацеленных на подтягивание слаборазвитых стран до уровня развитых, не учитывая позиции массовых социальных групп, можно назвать попыткой "верхушечной либерализации").

Применительно к проблеме соотношения власти и подвластных либерализация означает *переход от традиционного подданства к либеральному гражданству*. Это видно из истории большинства стран Западной Европы. Ренессанс, Реформация и Первая научная революция дали мощный толчок стихийному самоутверждению человеческой личности как творца самой себя. С XVII в. началась *ранняя либерализация* феодально-традиционалистских обществ в Европе. Она характеризовалась становлением исходных структур современного общества. После нескольких волн демократических революций, на что потребовалось около 300 лет, **ушла в прошлое фигура подданного, а на авансцену политической истории выступил гражданин, отстаивший свои права и свободы, включая право изменять структуры государственной власти**. Последняя же усвоила свою обязанность обеспечивать реализацию этих прав и свобод.

По нашим оценкам, ранняя либерализация продолжалась во многих странах Запада до середины XX в. В некоторых политических и экономически наиболее развитых странах (Англия, США) после депрессии 30-х годов XX в. началась стадия *зрелой либерализации*. Она характеризуется переносом центра внимания со структур общества как внешних условий развития человека на самого человека как *homo activus*, на его роль в изменении существующих структур и возникновении новых, на смягчение острых форм отчуждения человека. Новейшая социология ответила на этот вызов разработкой веера современных теорий деятельности, теорий социального становления и др.³

Таков общий вектор социокультурных трансформаций в странах Запада. Но в каждой стране она разворачивалась по-своему.

¹ *Пирсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.

² *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

³ Там же.

Англия стала родиной и лидером ранней либерализации; здесь уже в XVII в. подданство сменяется гражданством, развиваются важнейшие его формы; ранняя либерализация здесь в основном заканчивается уже к 70-м годам XIX в. Во Франции процесс комплексной либерализации начался позднее (по сути, с XVIII в.) и осуществлялся более драматично, сопровождаясь рецидивами традиционализации; окончательное установление либерального общества в этой стране, видимо, следует отнести к первому десятилетию после второй мировой войны. В Германии ранняя либерализация общества как комплексный процесс началась еще позднее (в XIX в.) и сопровождалась неоднократными рецидивами традиционализма, включая экстремистскую, фашистскую его форму, так что устойчивая демократия сформировалась в этой стране лишь после второй мировой войны. В США молодое общество энергично прошло раннюю стадию либерализации и после кризиса 30-х годов XX в. (одновременно с Англией) вступило во вторую, зрелую стадию либерализации; особое значение здесь имела массовизация высшего образования, стимулировавшая развитие личностных качеств индивидов, а тем самым — вызревание новых качеств гражданства. Как видим, либеральная трансформация совершается в каждой стране по-своему. Причем далеко не все страны Запада успели завершить раннюю стадию либерализации в XX в. В то же время наиболее развитые страны уже вступили во вторую, зрелую ее стадию, которая продолжится и в XXI в.

**А как обстояло и обстоит дело в России?
Проблема гражданской свободы в России:
между самовластием и вседозволенностью**

До середины XIX в. в России сохранялся этатистско-крепостнический традиционализм. Начиная с удельно-княжеских времен, властвующие династии воспринимали себя как бесконтрольных самовластителей, а всех подвластных, кроме священнослужителей, — как бесправных холопов и лишь позднее стали видеть в боярах, дворянах и богатых купцах своих подданных, которым были дарованы некоторые вольности. В ответ на это большинство мещан, городская челядь и крепостные крестьяне относились к власти как к неизбежной, но чужой; отсюда вырастала казацкая и иная вольница или вседозволенность, вспыхивали беспощадные бунты. Самовластие одних и вседозволенность других не оставляли места чьей-либо гражданской свободе.

Даже Петр Великий, предпринявший первую крупную модернизацию сверху, остался далек от идеи равноправного гражданства каждого жителя страны, уже выработанной к его времени на Западе и воплощавшейся в Англии, Голландии и некоторых других странах. Просвещенческий либерализм Екатерины II распростра-

нился на дворянство и продолжился в конституционных намерениях Александра I, которые, однако, развеялись с победой над Наполеоном. После выступления декабристов снизилось политическое влияние дворянства на правящую династию, но возрос интеллектуальный потенциал его лучших представителей, прежде всего поэтов, писателей, историков, философов. Их эстафету приняли публицисты-разночинцы.

Поражение в Крымской войне обнаружило глубокий кризис традиционализма, и Александр II решился на комплекс либеральных реформ: отмену крепостного права, введение суда присяжных и др. Их осуществление началось на рубеже 50-60-х годов XIX в. и положило *начало ранней либерализации* в России, включая становление предпосылок гражданского общества и политического института гражданства в государстве российском. Однако народо-вольцы, абстрактно-экстремистски усвоившие принципы либерализма и бунтовавшие против непоследовательности реформ, застрелили царя-освободителя. В свою очередь, его наследники вновь похоронили намечавшиеся конституционные почини. Рецидив традиционализма привел к новым его кризисам: поражениям в русско-японской и первой мировой войнах, трем революциям и гражданской войне в первой четверти XX в.

Казалось бы, эти кровопролития должны были покончить с традиционализмом в России, в том числе с абсолютистскими отношениями подданства, и заменить их демократическим гражданством. Но произошла трагичная мистификация этой замены.

С одной стороны, была демонстративно развернута антитрадиционалистская модернизация сверху: все в прежней России было объявлено ужасным ("тюрьма народов" и т.п.), отказались даже от ее названия, все население как бы переехало в другую страну — из России в СССР; напротив, теперь все будет хорошо, и это подтверждалось декларированием гражданских прав в Конституции, мобилизацией всего населения на борьбу с неграмотностью, на строительство индустриальных гигантов и колхозов, на создание новых видов оружия и сильной Красной Армии. Это была мобилизационная модернизация под девизом: "Догнать и перегнать!" И она дала реальные результаты: страна стала индустриальной, урбанизированной, высокообразованной, с передовой наукой и военной техникой, победившей немецкий фашизм и создавшей блок своих союзников, — словом, великой державой, с которой считался весь мир.

С другой стороны, эта модернизация опиралась на тотально-отчуждающую традиционализацию. Ликвидация частной собственности означала уничтожение едва возникших предпосылок гражданского общества, более полное, чем прежде, подчинение общества государству. Произошло тотальное отчуждение индивида от прав и свобод человека и гражданина: от участия в управлении, от ре-

зультатов своего труда, от правдивой информации, от личной безопасности. Вместо демократического гражданства утвердилось тотальное подданство. Тотальное, потому что оно не сдерживалось ни сословными привилегиями, ни буржуазной собственностью. Индивид как подданный оставался с государством наедине, буквально как физическое лицо.

Однако это был уже не крестьянин XIX столетия, с деревенско-провинциальным кругозором и навыками лишь физического труда, а образованный горожанин, квалифицированный специалист и рабочий второй половины XX в. Он имел основания претендовать на действительно гражданскую позицию по отношению к государственным и иным властям, на достойные современного человека условия жизни. Не имея другого выбора, он работал не по своим способностям, а по назначенной ему зарплате. В итоге СССР не смог выстоять в "холодной войне" и выдержать гонку вооружений. Тотальный традиционализм обернулся системным, социокультурным кризисом советского общества, завершившимся катастрофой самого общества. Большинство россиян вернулись из СССР в Россию, но уже в постсоветскую, кризисно-реформируемую.

Они вернулись с надеждой на свободу, но без веры во власть. Динамика структуры ценностей населения России в 90-е годы¹ представлена в табл. 1. Ценность свободы, включая гражданские ее аспекты², в 1990 г. находилась на пятом месте (в иерархии 14 ценностей); вернее, можно предположить, что за годы перестройки она поднялась на пятое место с более скромной позиции, которую она занимала, скажем, в 70-е годы. В 1994 г. ее распространенность среди россиян повысилась почти на 8% и превзошла 55%, т.е. достигла четвертой, высшей позиции в группе ценностей, образующих интегрирующий резерв. К 1998 г. ее распространенность снизилась почти до уровня 1990 г., но за ней в структуре сохранилось четвертое место.

Эти и другие данные трех наших всероссийских обследований свидетельствуют об устойчивости тенденции либерализации структуры ценностей россиян, несмотря на частичную ее делиберализацию, отражающую их разочарования в реформах. Бытующие суждения о вакууме или архаизации ценностей эмпирическими данными не подтверждаются. В конце XX в. около половины россиян

¹ Характеристика методологии исследования и развернутый анализ динамики ценностей даны см.: Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Веляева. М.: УРСС, 1996.

² В нашем исследовании каждое ценностное понятие интегрирует ряд соответствующих ему аспектов. Понятие "свобода" включает, например, согласие/несогласие с суждением "Человек волен жить в той стране, где ему больше нравится". Наблюдается такая динамика полного согласия с данным суждением: 1990 г. — 50,6%, 1994 г. — 62,6%, 1998 г. — 66,1% от всех опрошенных респондентов.

Таблица 1

Динамика ценностей населения России в 90-е годы

Июль 1990 г.		Март 1994 г.		Июнь 1998 г.	
Ценность	%	Ценность	%	Ценность	%
Интегрирующее ядро (свыше 55%)					
Порядок	65,3	Порядок	74,8	Порядок	69,4
Семья	61,0	Семья	69,3	Семья	66,8
Общение	57,3	Общение	67,7	Общение	62,2
Интегрирующий резерв (45-55%)					
Нравственность	48,3	Свобода	56,1	Свобода	48,8
Свобода	46,1	Независимость	49,8	Независимость	48,7
Жизнь	45,8	Нравственность	46,7	Благополучие	48,3
		Работа	45,3	Жизнь	47,5
				Нравственность	47,0
Оппонирующий дифференциал (30-45%)					
Работа	43,9				
Самопожертвование	43,5	Жизнь	44,1		
Традиционность	41,0	Инициативность	40,0	Традиционность	44,1
Независимость	40,0	Традиционность	37,1	Инициативность	39,1
Инициативность	36,2	Благополучие	36,2	Самопожертвование	38,8
Благополучие	30,0	Самопожертвование	34,5	Работа	38,0
Конфликтогенная периферия (менее 30%)					
Вольность	23,3	Вольность	24,7	Вольность	21,7
Власть	17,4	Власть	22,3	Власть	17,1

высоко ценят свободу и достойные отношения к себе именно как к свободным гражданам своей страны.

Что конкретнее можно сказать об этих наших согражданах? Чтобы четче выявить их характеристики, будем ориентироваться на тех респондентов, которые так или иначе ответили на наши вопросы, и не будем учитывать тех, кто "не знает" и отказался от ответа. Даже в этом случае из объективных факторов наиболее дифференцирующим оказывается один: образование! Среди специалистов, т.е. людей, имеющих среднее специальное и высшее образование, на 8-12% больше полностью согласных с утверждением "Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл", чем среди не имеющих такого образования (всего среди 1100 опрошенных 58,9% полностью согласны с этим утверждением). В городах на 10-15% приверженцев свободы больше, чем в селах и рабочих поселках.

Ценность свободы сопряжена в современной России с желанием добиться признания, успеха, с большим предпочтением рыноч-

ной экономики, но не с богатством как показателем успеха. Среди тех, кто ценят свободу, значительно чаще остальных встречаются те, кто предпочитают такое государство, которое лучше обеспечивает индивиду свободу, чем безопасность (коэффициент связи $Q=0,5$). Но здесь скорее просматривается дистанцирование от государства, чем его поддержка: почти половина респондентов считают, что о безопасности надо заботиться самому, не надеясь на власти.

Ценность свободы в России до сих пор не находится в сколько-нибудь заметной связи с ценностью власти, а если она и обнаруживается, то скорее с отрицательным знаком ($Q=-0,1$). Корень вопроса в том, что в ценностном сознании большинства россиян власть вообще находится на очень низкой позиции. Если вновь обратиться к данным табл. 1, то бросается в глаза, что во всех трех обследованиях (1990, 1994, 1998 гг.) ценность власти стабильно занимает последнюю строчку. А если рассмотреть ответы на прямой вопрос о ценности власти как таковой ("Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других"), то полностью согласны с этим суждением в соответствующие годы были еще меньшие доли респондентов: 7,8%, 15,8, 11,3%, т.е. явное меньшинство, но это весьма активное меньшинство. Его образуют преимущественно мужчины (их в 1,5 раза больше, чем женщин) до 35 лет, чаще выходцы из деревень и рабочих поселков, с незаконченным средним образованием (21,3 против 8,3% с высшим образованием). Их определенно мотивирует стремление добиться признания, успеха ($Q=0,79$), при этом главный показатель успеха — богатство ($Q=0,67$); они готовы бороться до полной победы над соперниками ($Q=0,62$), используя не одобряемые обществом средства. Они склоняются к рыночной экономике, к обеспечивающему свободу государству, но эти их склонности выражены менее отчетливо, чем у ценящих свободу.

Наряду с властью, еще одна ценность (или антиценность) устойчиво занимает в иерархии базовых ценностей одну из самых низких позиций — вольность, по сути, вседозволенность. По объективному содержанию это противоположные ценности: власть так или иначе легитимирована в законах и нормах, а вольность означает отсутствие ограничений для субъективного произвола, это ненормированная вседозволенность. Наиболее резко она выражена в нашей методике в виде суждения: "Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека". Полностью согласны с этим суждением в 1990 г. 24% респондентов, в 1994 г. — 27,9%, в 1998 г. — 31,0%. Налицо рост готовности оправдать вседозволенность, как бы ни смягчать ее "обстоятельствами", — по крайней мере, стало больше обстоятельств для ее проявления.

Таблица 2
Сопряженность ценностей "власть", "вседозволенность", "свобода" (в %)

Ценность	Власть			Вседозволенность			
	Полностью согласен	Полностью не согласен	Всего	Полностью согласен	Полностью не согласен	Всего	Q
<i>Власть</i>							
Полностью согласен				6,6	4,0	12,0	
Полностью не согласен				20,0	36,0	66,0	
Всего				34,0	48,0	100,0	0,49
<i>Свобода</i>							
Полностью согласен	8,0	42,0	65,0	25,0	27,0	65,0	
Полностью не согласен	2,0	8,0	12,0	4,0	6,0	11,0	
Всего	13,0	65,0	100,0	35,0	47,0	100,0	
Q		-0,1			0,19		

Объективные характеристики носителей такой готовности во многом напоминают тех, кто ценит власть: преобладают мужчины, чаще очень молодые (15-19 лет) или второго зрелого возраста (45-54 лет) с незаконченным образованием (как средним, так и высшим), проживающие преимущественно в рабочих поселках, малых и средних городах. Они также стремятся к признанию и успеху, включая богатство, еще в большей мере готовы использовать неодобряемые средства, хотя у них менее выражены предпочтения рыночной экономики и желание бороться до победы. Из них свыше 70% разделяют и ценность свободы, что свидетельствует о неадекватном ее восприятии российскими вольнолюбцами.

Думается, мы имеем дело со специфическим феноменом российской истории, о котором выше было упомянуто и который сохраняется поныне. В ценностном сознании россиян власть сопоставлена с вольностью: первая выступает как самовластие "верхов", а вторая — как вседозволенность "низов"; обе образуют баланс взаимной дополнительности. Отсюда их тесная взаимосвязь: Q=0,49 (табл. 2).

Более того, они в определенной степени совместимы: часть ценящих власть одновременно ценят и вседозволенность. Много ли таких россиян и кто они? Как видно из данных табл. 2, их доля в общем числе ответивших невелика, всего 6,6%. Но среди ценящих вседозволенность они составляют 19%, а среди ценящих власть — 54%. Значит, каждый второй из таких "совместителей" готов использовать власть как возможность легитимировать вседозволенность, т.е. ценят власть как самовластие. Наиболее склонны к со-

вмещению власти и вседозволенности мужчины 25-34 лет со средним специальным образованием, живущие в рабочих поселках, притом относящие себя к среднему слою и выше среднего. Они очень четко представляют свои интересы, максимально ориентированы на богатство как главный показатель успеха (85%) и на использование неодобряемых средств (70%) для достижения своих целей. Они явно предпочитают рыночную экономику, изобилие товаров при высоких ценах, а также государство, обеспечивающее свободу больше, чем личную безопасность.

Ценности власти и вседозволенности совмещаются в сознании многих россиян и со свободой — соответственно 8 и 25%. В целом же ценность свободы не обнаруживает значимой связи с властью и вольностью (соответственно Q равно -0,1 и 0,19). Это очень важно, так как позволяет заключить, что *в сознании большинства россиян преодолено отношение к самим себе как к чьим-либо подданным*. Следовательно, несмотря на рецидивы и мистификации традиционализма, в России продолжается социокультурная трансформация в русле либерализации.

Вместе с тем распространена антиценность вольности как вседозволенности, к тому же широко совмещаемая с ценностью власти, которая превращается в самовластие. Именно она служит аксиологической почвой, на которой продолжает произрастать традиционное отношение реальной власти к подвластным как к подданным. *Гражданская свобода большинства россиян оказывается между самовластием и вседозволенностью*. Это не промежуточное, а ограничиваемое "сверху" и "снизу" положение гражданской свободы. Оно конфликтно в обоих направлениях, что не позволяет надеяться на быстрое его преодоление. Приходится считаться с поколенческой природой и потому "тяжкой медлительностью" социокультурной трансформации¹.

Тем не менее по мере выхода страны из системного кризиса и установления социокультурного баланса различные ветви власти, прежде всего законодательная и судебная, должны будут все более утверждать легитимный порядок в российском обществе и теснить вседозволенность. Постепенно это приведет к сужению пространства последней в действиях самих властей.

Как Э.Дюркгейм в конце XIX в. предвидел распространение органической солидарности во французском обществе, так и мы можем надеяться на завершение эволюции от традиционного подданства к либеральному гражданству в России в начале XXI в. Это одна из важнейших линий завершения ранней либерализации российского общества и подготовки его к зрелой либерализации.

¹ Гордон Л. Времена и сроки демократических перемен: Тяжелая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.